

К юбилею Н. Х. Вента

ПУТЬ актера

1905—1935

Это — большая, подлинная радость, когда человек может сказать: «Да, я сделал за свою трудовую жизнь большое, нужное дело». Особенно велика эта радость у нас, в Стране Советов, где результаты человеческой деятельности определяются ее ценностью для трудящихся, для великого дела освобождения мира от капиталистического рабства и человеческого ненавистничества.

Николай Христофорович Вент — один из лучших актеров Куйбышевского драматического театра. Он может с гордостью сказать о себе, что его тридцатилетний труд на сцене не пропал даром. Тов. Вент многое дал нашему искусству. Театральная молодежь многому у него научилась. Тысячам трудящихся помог он своей талантливой игрой глубже и ярче осмыслить жизнь — ее прошлое и настоящее.

Тов. Вент в значительной степени оформился как актер в дореволюционное время. Значительную часть своего творческого пути он прошел еще в царской России. А молодому поколению и представить себе трудно положение артиста до Октября. Ведь актер был тогда лишь забавником, специально созданным для того, чтобы «усплаждать» сытых господ. Такова логика капитализма, враждебного подлинному, большому искусству. И тов. Вент полностью испытал издевательское отношение к актеру капиталистической России. Помимо того, что он принадлежал к цеху актеров, он был еще и актером провинции, где циничней проявля-

Тов. Н. Х. Вент.

лось варварское отношение к искусству.

Жизненные испытания будущего актера начались еще с юности. Их неуучительно знает современному со-

ветскому актеру, потому что нет лучшей школы, чем сама жизнь. Предоставим слово самому Николаю Христофоровичу.

И. МАШБИЦ-ВЕРОВ.

— За три десятка лет я сыграл не менее тысячи ролей в десятках городов нашей замечательной страны. Теперь, в советском театре, приходится за год играть не больше 8—10 ролей. А до Октября пьесы менялись в провинции через 2—3 дня. Иначе театру грозило банкротство. И вот приходилось за год овладеть несколькими десятками ролей. Каждую роль надо было продумать, пережить, впитать в себя, запомнить, наконец. Попробуйте в течение двух дней сосредоточиться на роли Мармеладова («Преступление и наказание») и катастрофическими темпами перейти на образ, скажем, Аркаши («Пес»).... В старом провинциальном театре нередко приходилось после драматических вещей ставить водевили. Так требовала публика. И вот после Мармеладова — извольте играть водевиль!

Страсть моя к искусству актера началась с того момента, когда я тайком пробрался на галерку курского театра. Шла пьеса «Коррадо». Артист Аксенов, исполнявший роль Коррадо, произвел на меня неизгладимое впечатление. Придя на другое утро в школу, я стал изображать перед своими товарищами Коррадо, особенно «напирая» на сцену его смерти. Мои товарищи пришли в восторг. Каждый день меня заставляли повторять игру, требовали неоднократного повторения сцены смерти. Мне это понравилось. Я стал также подбирать стихи, где говорилось о разных трогательных страстях, особенно полюбил смерти и обмороки.

Впервые я играл на школьном представлении роль Осипа в «Ревизоре». Преподаватель французского языка — режиссер школьной постановки уверял, что я совершенно туп как актер. Вывезло меня лишь то, что я честно заучил свою роль.

С этого времени начинаются мои страстные мечты о театре. В 1904 году я приехал в Курск на каникулы и встретил Веру Николаевну Щекину (по сцене — Львович), которая сняла в то время театр в лазаретном саду. Зная мою страсть к театру, Вера Николаевна предложила мне поступить к ней в труппу на оклад в 35 рублей для исполнения выходных ролей. Я с радостью согласился. И тут впервые пришлось почувствовать отношение «общественности» к актеру. Мне пришлось расстаться с семьей — своей профессией я ее «компрометировал». Начались мои театральные мытарства.

Вот несколько фактов из театрального быта того времени. Артистка А. И. Малаксеанова рекомендовала меня антрепренеру Крамолу. Мы с ним договорились, и я приехал на зимний сезон в Орел. Разумеется, первым делом я явился в театр — представиться Крамолу. Войдя к нему в кабинет, я увидел посреди комнаты большой пружинный матрац, на котором лежал английский пойнтер. Сам Крамол сидел за письменным столом. Я остановился на пороге в ожидании, когда Крамол обратит на меня внимание. Но раньше Крамол обратил на меня внимание его пес. Пойнтер повернул ко мне голову, потянул носом воздух и приветливо завертел хвостом. Только после этого Крамол взглянул на меня, пригласил сесть, очень ласково говорил со мной и даже выдал аванс.

Весь сезон я чувствовал доброжелательное отношение со стороны

Крамолова. Я получал хорошие роли и... недоумевал, чем же я снискал такое расположение? Товарищи по сцене раскрыли мне, наконец, истину. Оказалось, что мерилом хороших отношений к актеру служил для Крамолова его пес. Ежели пес при первом посещении актера бросался на него с лаем, актеру грозили серьезные неприятности. Но мне, к моей радости, с пойнтером повезло...

В 1908 году мне пришлось неожиданно перейти в оперетту. Здесь не было моей доброй воли. Случилось это так. Приехав как-то по договоренности на сезон в Казань к Н. Д. Кручинину, я явился к нему из-за болезни с опозданием на 2 недели. В конторе театра мне заявили, что место мое занято и я «свободен».

В чужом городе я очутился один, без всяких средств. Выручили товарищи. Актер А. Харламов, бывший в близких дружественных отношениях с Кручинным, переговорил с ним и Кручинин направил меня в оперетту, которую он же держал в казанском купеческом клубе.

Придя к режиссеру оперетты Завадскому с запиской Кручинина, я был опрошен режиссером. На вопрос — пою ли я или танцую, я ответил: не знаю. Этим я хотел сказать, что не знаю, достаточно ли мое умение танцевать и петь для игры в оперетте. Но Завадский возмутился и заявил: «Ты, батенька, дураком не прикидывайся! Хочешь кушать, так запоешь и затапчешься» — и назначил мне пробу, которую я выдержал с большим трудом.

В оперетте я работал довольно долго. Будучи драматическим актером и умея хорошо «говорить прозой», я выделялся среди опереточных актеров и скоро заслужил дружбу Завадского. Он стал меня называть «сыном» и давать централь-

ные роли. Получая 60 рублей жалованья, мне приходилось исполнять роли, которые давались 300—400-рублевым актерам.

В 1910 году я был приглашен в Москву в оперетту Суровежина. Здесь я впервые столкнулся с московскими актерами оперетты. Московские актеры встречали провинциальных актеров в штыхы. Такова была традиция. Этой участи не избежал и я.

Вспоминаю такой случай. Шла премьера «В волнах страстей». Мне предстояло выполнить продолжительный выходной речитативный номер темпом в 1/4. По наущению актеров дирижер удвоил темп, поведя оркестр темпом в 1/8. Мне грозило навсегда оскандалиться перед публикой. Спасла меня лишь школа драматического актера. Несмотря на невероятную быстроту, я сумел довести текст скороговоркой до зала, не скомкав речи. Этим я победил сердце дирижера. В антракте он пришел ко мне и извинился. С тех пор мы уже были друзьями.

Для характеристики театрального быта того времени хочу привести еще один факт. Суровежин не уплатил мне как-то платы. Он уверял, что у него нет денег, и предлагал «отобедать» эти деньги в его ресторане. Впрочем, в конце-концов он уплатил мне. Но для этого потребовался счастливый случай. Я встретил его как-то на бегах, когда он был в большом выигрыше. Тогда он смилиостивился.

За свою долгую актерскую жизнь я встречался с хамством многих антрепренеров, режиссеров, а порой и актеров. Но мне встречались и замечательные люди. Им я обязан той любовью к театру и тем серьезным

отношением к своему делу, которые для меня осмысливали тяжелую жизнь и работу. Особенно хотел бы я отметить первых своих режиссеров-учителей Л. Н. Колобова и Н. Гороткина. Они были и прекрасными актерами. Именно они воспитали во мне уважение к театру.

Во время империалистической войны мне пришлось пойти работать на завод токарем по металлу. Но театр я и в это время не бросил. Работал я тогда в Краснодаре. На заводе я впервые близко столкнулся с рабочими-коммунистами.

На нашем заводе работала подпольная группа большевиков, о которых многие из нас знали. При выборах в учредительное я голосовал за список большевиков. В 1921 г. я добровольно пошел в Красную армию, заведывал драмкружком, подготавливал молодые кадры актеров.

Советский театр открыл мне новые творческие возможности. Совершенно по-иному стал я воспринимать свою роль, работу, по-новому стал ощущать все творчество актера. Самое важное и дорогое для меня — я впервые почувствовал себя подлинным гражданином страны. Я стал смотреть на театр, как на воспитательную силу. И мне дорого, мне важно воспитать в зрителе любовь к нашей новой современности, к изумительным людям социалистической страны.

Уже немолодым человеком я неожиданно приобрел молодость. Мне теперь больше чем когда бы то ни было хочется учиться. Мне ясно, что без знания истории, без политического образования, без широкого культурного кругозора вообще нельзя быть советским актером. Сейчас труднее играть, чем раньше. И не только трудней — ответственной. Зато и неизмеримо радостней работать.